

МАЗОК ТРЕВОГИ

РОИЛМАН ДЕ КОШВЭЛ

Роилман Де Кошвэл

Мазок тревоги

«Автор»

2026

Де Кошвэл Р.

Мазок тревоги / Р. Де Кошвэл — «Автор», 2026

Тридцатитрёхлетний художник Иван Тихонов проверяет дверь по десять раз на дню. Он боится звонков, писем и чужих глаз, задыхается в толпе и прячет свои эскизы в ящике стола. Единственный «якорь» — дедов портсигар, внутри которого осталась последняя спичка. Сможет ли человек, чья жизнь — тревога, доказать себе, что он существует?

© Де Кошвэл Р., 2026

© Автор, 2026

Роилман Де Кошвэл

Мазок тревоги

Посвящается

*Сергею Смольникову,
Александру Ифанову
и мне самому
в напоминание.*

*«Мазок тревоги»
должен присутствовать
с каждым из нас,
но утопать в этой краске
не стоит.*

Иван Андреевич Тихонов словно родился с ощущением, что мир вот-вот треснет — как яичная скорлупа, которую сжали в ладони. Это чувство преследовало его с раннего детства: оно приходило без причины, сдавливало горло и заставляло сердце биться неровно, как у пойманной птицы. Особенно остро оно проявлялось в моменты выбора или необходимости выйти в люди. Тогда реальность становилась зыбкой, готовой разлететься на тысячи осколков, а в ушах нарастал противный свист — предвестник приступа, похожий на радиопомехи.

Сейчас ему тридцать три. «Возраст Христа», но Иван не чувствовал в себе ни божественной силы, ни пророческого дара. Лишь горькое знание: этот рубеж не обещает чуда, а только предъявляет счёт. Там, где у других жила уверенность, у него зияла пустота, заполненная бесконечными вопросами. Тревога казалась ему не просто страхом, а метафизическим предощущением: будто ткань бытия натянута до предела и вот-вот лопнет.

Квартира на пятом этаже старой хрущёвки стала его крепостью. Низкие потолки, выдававшая виды бабушкина мебель, запах красок, скипидара и старых книг — здесь всё было неизменным и безопасным. Здесь он мог дышать. Здесь он работал.

Иван был иллюстратором. Сотрудничал с мелкими издательствами, рисовал обложки для детских книг, делал зарисовки для местной газеты. Заказов хватало лишь на жизнь, но не на уверенность в завтрашнем дне. Иван знал, что талантлив: его рисунки дышали, он умел ловить свет и тень, словно бабочек, и переносить их на бумагу. Но, отправляя работу, он каждый раз цепенел от страха. Ему казалось, что заказчик не оценит, вернёт с пометкой «переделать» или вовсе исчезнет. И тогда он останется один на один с тишиной, которая подтвердит: дар без права на ошибку — это не свобода, а изощрённая форма заточения.

Он проверял почту по десять раз на дню, вчитываясь в каждое слово в поисках скрытого подтекста. Ответы репетировал вслух, оттачивая интонации, чтобы не показаться навязчивым или неуверенным. Парадокс был в том, что, чем больше он старался выглядеть профессионалом, тем искусственнее звучали его письма.

А ещё он проверял дверь. Каждое утро, каждый вечер, каждый раз, выходя из комнаты. Он дёргал ручку с методичностью, заменявшей ему молитву. Иногда возвращался с лестничной клетки, уверенный, что запер недостаточно плотно. Соседи привыкли: отводили глаза, проходили мимо. Иван понимал их — он жил в том же доме, но будто в другой вселенной, где правила были иными, а воздух — тяжелее. Он и сам не мог объяснить, зачем раз за разом дёр-

гает эту ручку: пытается ли удержать мир снаружи или не дать собственной душе рассыпаться раньше времени.

В его кармане всегда лежал маленький металлический портсигар. Старый, с потёртым серебристым покрытием и острыми углами, которые когда-то, в самом начале, царапали ладонь до крови. Прямоугольный, чуть вытянутый, с выгравированной на крышке буквой «Т». Дедова буква, дедов портсигар. Внутри, в специальном отделении, хранилось несколько спичек — обычных, деревянных, с красными головками. Они не предназначались для огня. Они были чем-то иным.

Со временем спички исчезали одна за другой: он сжигал их в минуты невыносимой паники, глядя, как пламя на миг становится реальнее, чем страх. Крошечный, подконтрольный огонёк — в противовес всему остальному, что ускользало из рук. Сегодня внутри оставалась всего одна. И само её присутствие превратилось в знак — черту, за которой либо конец, либо невозможный выбор.

В детстве Ваня потерялся на ярмарке. Ему было шесть, и мир казался огромным, шумным, пёстрым и пугающе чужим. Мать отвлеклась на прилавок с игрушками, а он засмотрелся на клоуна, жонглирующего кеглями. Обернулся — а мамы нет. Только незнакомые лица, посторонние голоса, давящий гул толпы, от которого звенело в ушах. Тогда впервые зазвучал тот самый свист — тонкий, ледяной, стирающий реальность.

Он заплакал. Сквозь пелену слёз увидел, как кто-то опускается перед ним на корточки. Высокий, седой, с добрыми глазами. Потребовалось несколько секунд, чтобы узнать деда.

— Заблудился, внучок? — В его голосе не было тревоги, только спокойная уверенность человека, который точно знает: всё будет хорошо.

Мальчик кивнул, всхлипывая. Дед достал из кармана пиджака тот самый портсигар с острой гранью и буквой «Т».

— Держи, — сказал он, вкладывая металл в маленькую ладонь. — Пока держишь его, не потеряешься. Это якорь. Понимаешь? Страх исчезновения знаком каждому, но это враньё. Что бы ни случилось, ты есть. Пока он у тебя — ты помнишь себя. Даже когда мир превращается в сплошной шум. Запомнил?

Ваня сжал портсигар в кулачке. Металл был холодным, углы впились в кожу, но он не разжал пальцев. Свист в ушах стих. Он перестал плакать и посмотрел на деда, который улыбнулся и взял его за руку.

— Айда искать маму. Идти будет легко — ты теперь не один.

Они нашли её через десять минут. Бледная, растерянная, с заплаканными глазами, она бросилась к сыну, обнимая так крепко, что перехватило дыхание.

— Не теряйся больше, — шептала она. — Слышишь?

Ваня молчал. Он сжимал портсигар в кармане, чувствуя, как тревога отступает, оставляя странную, непривычную пустоту. Тогда он ещё не знал, что эта пустота — не отсутствие, а редкая форма тишины. Почти покой.

Дед умер через год. Тромб. Всё случилось мгновенно: они сидели за обеденным столом, пили чай, дед рассказывал смешную историю из молодости, а потом замолчал на полуслове и упал лицом в тарелку. Мать закричала. Ваня не помнил, кричал ли он сам. В памяти осталось лишь то, как после похорон он закрылся в своей комнате, достал портсигар и сжал его в ладони. Острые углы впились в кожу. Он сидел так час, два — пока боль не стала единственным, что он чувствовал. А затем наступила тишина.

С тех пор портсигар всегда был с ним — не просто вещь, а ось, вокруг которой Иван выстраивал своё хрупкое равновесие.

Агриппина Андреевна Тихонова — или просто Агри, как звали её дома, — была младше брата на семь лет. В детстве эта разница казалась непреодолимой пропастью, но теперь, когда оба повзрослели, она почти стёрлась. Агри работала учительницей литературы: энергичная, добрая, с вечно растрёпанными волосами и смехом, который звенел в школьных коридорах, словно колокольчик. Она любила Ивана искренне и безусловно, но часто не понимала, что скрывается за его внешним спокойствием, вымученными улыбками и односложными ответами. Ей порой казалось, что она любит человека, который находится не здесь, а в соседней комнате — за стеной, достаточно тонкой, чтобы слышать его дыхание, но слишком плотной, чтобы войти.

Она часто заглядывала к нему без предупреждения: с домашними пирожками или новыми книгами, которые, как ей казалось, могли его заинтересовать. Иван встречал её улыбкой, но внутри каждый раз сжимался: нужно было поддерживать беседу, нужно было «быть нормальным», не выглядеть странным.

— Ванечка, ты опять не ел, — вздыхала она, заглядывая в пустой холодильник. — Посмотри на себя — одни кости. Я же знаю: рисуешь сутками и забываешь обо всём на свете.

— Я ем, — отвечал он, хотя это было неправдой.

Она ставила чайник, раскладывала пирожки на тарелку, и они садились на тесной кухне с жёлтыми обоями, которые Иван переклеивал прошлой весной. Агри рассказывала о школе, о своих учениках, о том, как один из них перепутал все имена в сочинении про Дубровского, но написал так живо и искренне, что она поставила ему четвёрку. Иван слушал, кивал, изредка улыбался, но мысли его были далеко. Он думал о незаконченном заказе и о том, что будто бы испортил небо на заднем плане. «Но небо нельзя испортить, — поправил он себя. — Его можно только не удержать». В этом, кажется, и заключалась вся разница между ремеслом и бессилием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.